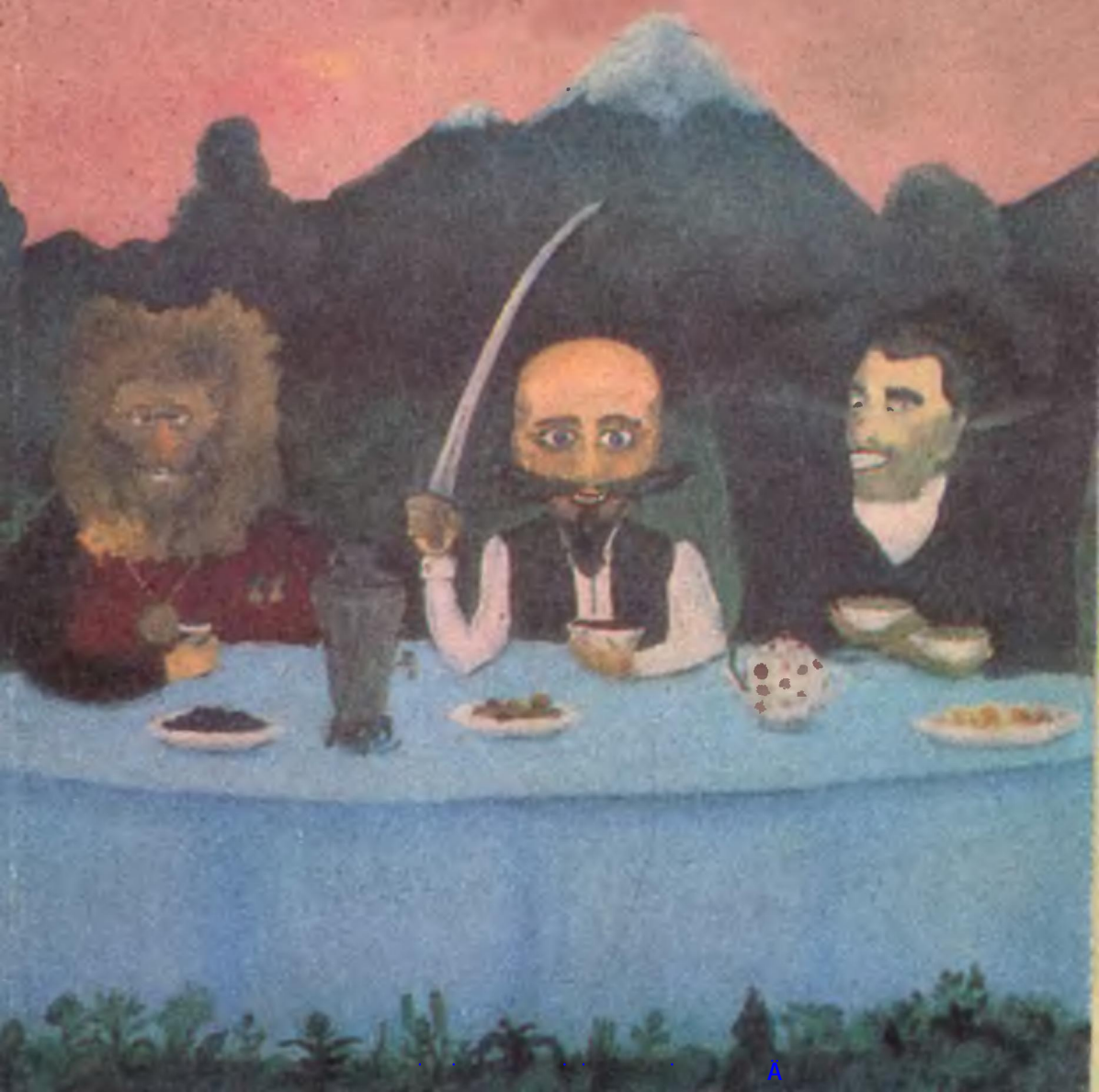

ISSN 0130-1640

„Knowledge is power“ (F. Bacon)

ЗНАНИЕ-СИЛА 8/92

Г. Померанц

Главный редактор
Г. А. Зеленко

Редколлегия:
Л. И. Абалкин
И. Г. Вирко
(зам. главного редактора)
А. П. Владиславлев
Б. В. Гнеденко
Г. А. Заварзин
В. С. Зуев
Р. С. Карпинская
П. Н. Кропоткин
А. А. Леонович
(зам. главного редактора)
Н. Н. Моисеев
В. П. Смилга
Н. С. Филиппова
К. В. Фролов
В. А. Царев
Т. П. Чеховская
(ответственный секретарь)
Н. В. Шебалин
В. Л. Янин

*На обложке — картина
Бориса Гребенищикова (Б. Г.),
поэта, композитора,
художника, рок-певца.*

*Мы, Господи,
дети у тебя в руках.
Научи нас видеть тебя
за каждой бедой,
Прими, Господи,
этот хлеб и вино.*

Из песни Б. Г.
«Никита Рязанский»

Читайте статью А. Липницкого
о новом этапе творчества Б. Г.

© «Знание — сила», 1992 г.

Сошло ли человечество с ума?

Предлагая читателю свои заметки, должен предпослать им небольшое объяснение. Любая, самая добротная теория — только модель процесса, а многие процессы невозможно описать одной моделью, приходится на глазок выбирать подходящий интеллектуальный инструмент. Убедившись, что инструмент подходит, тут же искать, где его применение ограничено, где лекарство дает противопоказания. Теории, к сожалению рекламируются как знахарские снадобья без всяких ограничений.

Поэтому я и хочу ввести как ограничение свою откровенную субъективность. Более того, субъективность, свободную от теорий (в том числе собственных). Я не создатель теории, заметки эти ни на какую теорию не претендуют. Я просто продумываю возможности ясно и последовательно то, что меня задает, волнует, мучает.

Так складывались мои взгляды на взаимоотношения политики и нравственности. Первым толчком были шаги реабилитации Сталина, наметившиеся в конце 1965 года. То, что я об этом написал, вы могли прочесть в журнале «Знание — сила» (1990 год, № 5).

Следующий толчок — в августе 1968 года. Я понял, что это катастрофа не столько для Чехословакии, сколько для России. Безнравственность на верхнем этаже непременно распространится вниз («Рыба с головы гниет»). И если правящая камарилья может делать, что хочет, то и начальство понижее и каждый инженер, и каждый рабочий.. Я спросил тогда Юрия Александровича Леваду: что теперь будет? Он ответил: колеса начнут на ходу отваливаться от автобусов. Эти слова мне запомнились, потому что совпадали с моим собственным пониманием вещей. Я убежден, что катастрофа в Чернобыле нача

лась не в апреле и не в 1986 году, а в августе 1968 года. Безответственное и безправственное правительство несовместимо с ядерным веком.

Новый текст мне уже было негде произнести. Я просто пустил его в «самиздат» как послесловие к эссе «Человек ниоткуда». Ниже дается отрывок из текста «Послесловия». Важнейшая мысль его та, что политика и мораль соотносятся, скорее, по правилам богословской, нежели аристотелевской логики, примерно так, как Вселенский собор определил соотношение Бога и человека в личности Христа: «неслиянно и нераздельно». На уровне тактики политик иногда может выиграть от обмана, предательства, грубого насилия, но на уровне стратегии, «с точки зрения дальнего прицела», это — саморазрушение. Не может быть устойчивым государство, в котором все приносится в жертву сиюминутному государственному интересу, где ради этого интереса разрушаются основы нравственности.

Более того. С каждым новым шагом истории нравственные задачи человека возрастают. Чем больше совокупная мощь общества, тем больше ответственность распорядителя этой мощью. Чем труднее сохранить солидарность, тем выше требования к отдельно человеку. И в наше столетие, когда производительные силы обернулись разрушительными силами, — не только при военном применении, достаточно беззаботно развивать промышленность, чтобы разрушить биосферу, — нельзя больше мириться с тем, что было обычаем сто лет тому назад. Например, с войной. Хотя бы и справедливой. Хотя бы освободительной. История подняла планку. Надо прыгнуть выше.

Мне возражали, что никакого движения к более высокой нравственности нет. Наоборот, уровень нравственности падает. В XIX веке невозможны были Освенцим или Колыма. Велись войны, но пленных не морили голодом. Была черта оседлости, но не геноцид. Неужели человечество сошло с ума?

Думаю, что нет. Но между 1914 и 1945 годом прошел вихрь безумия, последствия которого до сих пор еще не совсем устранены. Взрыв мировой войны показал, что разрушительные силы промышленности переросли национальный суверенитет. Легко было представить себе, что получится, если применить отравляющие вещества против мирного населения больших городов. Вместе с тем термоядерного оружия, сделавшего бы большую войну самоубийством, еще не

было. И показалось, что можно войной покончить с войнами и создать тысячелетнее царство. Именно в этом был смысл ленинского интернационализма. Важна не идеология, вдохновлявшая большевиков, а реальная историческая цель — создать военным путем мировое государство. Эту цель тут же подхватил нацизм с другой идеологией, но идеология относится к царству иллюзий, а реальностью было стремление создать мировую империю. Ради этой цели казалось возможным принести в жертву любое количество человеческих жизней, превратить войну империалистическую в войну гражданскую, ликвидировать «эксплуататорские» классы, уничтожить «неполноценные» народы...

Взрыв атомной бомбы был безумным средством борьбы с безумием. Клин вышибло клином. Человечество заново оценивает попытки Л. Толстого, М. Ганди, М. Л. Кинга, А. Сахарова, П. Григоренко найти ненасильственные формы борьбы за свои идеи. Заново оцениваются исходные призывы Будды и Христа, еще не приспособленные церковью к людоедской исторической практике. Мы стоим на пороге ненасильственной федерации, регулирующей взаимоотношения человечества с биосферой, или гибели. Угроза гибели вполне реальна, если каждый из нас не осознает свою личную ответственность за судьбу планеты. Правители должны чувствовать «сопротивление материала», активность граждан. Апатия граждан воспитывает деспотов. А деспотизм в термоядерный век удешевляет вероятность катастрофы.

Из «Послесловия»

То, что произошло, трудно описать иначе: мы внезапно ощутили живое присутствие дьявола. Темные слои подсознания, которые казались дремлющими, внезапно оживились и стали подсказывать ходы игрокам в крупной международной игре. Мир покачнулся и сделал еще один шаг к концу. И мы вернулись пить свой кофе и размышлять над положением пучков в многомерном пространстве.

Политика и мораль — разные вещи. Это, может быть, верно сегодня, завтра, послезавтра... И вдруг целая цивилизация, подорванная упадком нравов, идет под откос. Где-то есть предел, а за ним — пропасть, в которую обрушивались древние царства. Его нельзя переходить. Но сейчас все человечество подошло к этой грани, и все мы рухнем, как обры, о которых писал летописец: «...были телом велики и духом горды, и погубил их Бог, и осталась поговорка на Руси: погибша